

ЦЕНТР – РЕГИОНЫ

Л.В. НИКИТИН

Банковское пространство России в 1988–2011 годах: от монополии столицы к конкуренции городов

В статье рассматриваются основные изменения в географии банковского сектора России с момента его либерализации в 1988 г. до настоящего времени. Статистическая база и различные расчеты позволяют проследить выраженный, хотя и не линейный, переход от абсолютной монополии Москвы к элементам полицентризма.

Ключевые слова: банки, децентрализация, конкуренция городов, статистический анализ.

The article deals with main developments in geography of the Russian banking sector from its liberalization in 1988 to the present days. Statistical basis and various calculations enable to trace clear, although not linear transition from the absolute monopoly of Moscow to elements of polycentrism.

Keywords: banks, decentralization, competition of cities, statistical analysis.

За последние 20–30 лет среди всего разнообразия историко-экономических исследований сформировалась пока еще недостаточно заметная, но, безусловно, важная линия – ретроспективное изучение роли городов как финансовых центров, а также конкуренции между ними в этой сфере. Работы Ч. Киндлбергера, Ф. Броделя, Дж. Абу-Луход [Kindleberger, 1974; Braudel, 1979; Abu-Lughod, 1991] и некоторых других авторов позволили воссоздать основные вехи в пространственной эволюции мировых финансов на протяжении Средних веков и Нового времени; недавняя монография Ю. Кассиса [Cassis, 2007] довела эту нить уже до наших дней. На последнем хронологическом участке открылась также возможность для взаимодействия исторической науки с исследовательскими центрами экономического профиля¹, которые в 2000-е гг. приступили к ранжированию современных финансовых столиц.

Однако во всех этих случаях речь идет только о крупнейших деловых метрополиях глобального значения. Между тем специального внимания заслуживает и следующий уровень финансовой (и в том числе банковской) иерархии, на котором разворачивается экономическое соперничество городов в пределах отдельно взятых стран. Несомнен-

¹ Центр GaWC (Globalization and World Cities) при Университете Лафборо, Великобритания; исследовательская группа Z/Yen (Великобритания) совместно с Корпорацией лондонского Сити; исследовательское подразделение глобальной платежной корпорации MasterCard Worldwide [GaWC; MasterCard; Z/Yen].

но, что среди всех национальных составляющих мирового банковского пространства одним из самых интересных объектов для анализа является Россия. Это связано как с огромными размерами страны и ее внутренним разнообразием, так и с достаточно редкой возможностью наблюдать на относительно коротком интервале весь путь от возрождения межгородской конкуренции в конце 1980-х гг. до современного состояния отрасли.

В данной связи уместно вспомнить, что на протяжении почти 60 лет (то есть с момента сворачивания нэпа, а также проведения кредитной реформы 1930–1932 гг.) в Советском Союзе отсутствовала полноценная банковская система. Госбанк СССР и его отраслевые ветви выполняли ограниченный набор функций, несопоставимый с многообразным финансовым сервисом западного мира. Банковская отрасль в ее советском варианте занималась преимущественно технической работой, обеспечивая по указанию вышестоящих инстанций организованный перевод средств между различными сегментами управляемого национального хозяйства. Будучи подчиненной частью планово-мобилизационного механизма, банковские учреждения и сами повторяли важнейшие черты системы, прежде всего крайнюю степень централизации. Высшее руководство практически единого кластера государственных банков находилось в Москве; в других городах, соответственно их административному статусу, могли действовать лишь “конторы”, “субконторы” и иные подразделения установленного ранга. На определенных исторических отрезках такая отлаженная машина успешно справлялась с поставленной задачей концентрации средств (самый яркий пример – годы Великой Отечественной войны), но в долгосрочном плане была совершенно непригодна для гибкого межотраслевого перераспределения ресурсов в условиях технологического прогресса и усложняющейся структуры экономики.

Ситуация изменилась только с началом политики перестройки при М. Горбачеве. В ходе экономических реформ того времени исключительно важную роль сыграл Закон о кооперации, принятый Верховным Советом СССР 26 мая 1988 г. и разрешивший, в частности, создание негосударственных паевых банков. Впервые после очень долгого перерыва в стране появилась возможность свободной кредитно-финансовой деятельности, причем не только в столице. Иными словами, начавшийся переход от плановой системы к рынку сопровождался радикальным изменением экономико-географического ландшафта; исходная монополия центра постепенно уступала место тому, что, следуя стилистике зарубежных публикаций, можно назвать “архипелагом городов”².

Вместе с тем названные процессы носили достаточно сложный и нелинейный характер. В данной работе рассматриваются основные закономерности географической децентрализации банковского дела, наблюдавшиеся сначала в РСФСР, а затем (и главным образом) в постсоветской России.

Очевидно, что при изучении пространственных параметров кредитной отрасли следует учитывать ключевые вехи и тенденции, наблюдавшиеся в ее общем развитии. В таблице 1 представлен авторский вариант базовой периодизации, основанный как на собственной эволюции банковского бизнеса (прошедшего, в частности, через кризисы 1995, 1998 и 2004 гг.), так и на изменении макроэкономических условий, в которых ему приходилось работать. Данная линия доведена до середины 2008 г., когда в Россию пришла основная волна нынешнего глобального кризиса (кроме этого, в заключительной части статьи будут затронуты и последующие события, пока еще не укладывающиеся в явно заверченный период). Наличие такой хронологической сетки позволяет на протяжении 1988–2011 гг. поэтапно проследить несколько наиболее показательных трендов, прежде всего колебания общего числа населенных пунктов, обладавших в то или иное время собственными банками, а также ряд долевого параметров (см. рис. 1–3). Замечу также, что по мере приближения к нашим дням будут

² Это выражение (“*archipelago of towns*”) было использовано, в частности, Абу-Луход [Abu-Lughod, 1991, p. 13–14].

**Основные периоды развития банковской системы Российской Федерации
в контексте общих экономических процессов (1988–2008 гг.)**

Период	Фаза общей экономической трансформации	Макроэкономический фон	Годы, кварталы
1	Кризис поздней социалистической экономики	Нестабильность	1988–1991
2	Трансформационный спад	Нестабильность	1992–II кв. 1995
3	Трансформационный спад и начало восстановительного роста	Относительная стабилизация	III кв. 1995–II кв. 1998
4	Восстановительный рост и начало инвестиционного роста	Стабильность	III кв. 1998–II кв. 2004
5	Инвестиционный рост	Стабильность	III кв. 2004–II кв. 2008

появляться и расширяться возможности учета не только общего количества кредитных корпораций, но и масштабов их бизнеса.

Итак, начало *первого периода (1988–1991 гг.)* было связано с появлением ранее немислимых возможностей и эйфорией создания разрешенных негосударственных банков. Между принятием Закона о кооперации и учреждением первых таких структур прошло лишь три месяца. Без преувеличения, историческим событием стала регистрация банка “Союз” из Чимкента (Казахстан), состоявшаяся 24 августа 1988 г. и проложившая дорогу всем остальным предприятиям подобного профиля. Еще через два дня ленинградский банк “Патент” открыл эпоху свободной кредитной деятельности непосредственно в России. За ним последовали столичные банки “Кредит-Москва” и Московский кооперативный, казанский Полисервисбанк, пермская “Заря” и многие другие. К началу 1989 г. было зарегистрировано уже 39 коммерческих банков, из них 25 – в РСФСР [Кротов, 2001, т. 2, с. 248–249]. Впервые после шестидесятилетнего перерыва финансовая децентрализация стала реальностью.

В сентябре 1990 г. (то есть по итогам первых двух лет радикального преобразования отрасли и накануне еще одного важного рубежа, речь о котором пойдет ниже)

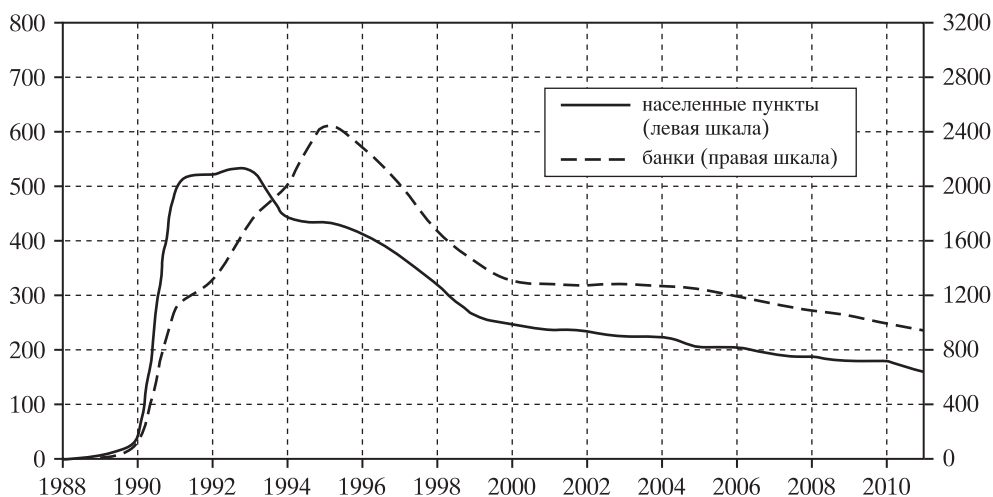

Рис. 1. Российская Федерация: общее число банков и количество населенных пунктов, обладавших собственными банками (1988–2011 гг., на начало указанного года).

Рассчитано по [Банк России; Banki.ru].

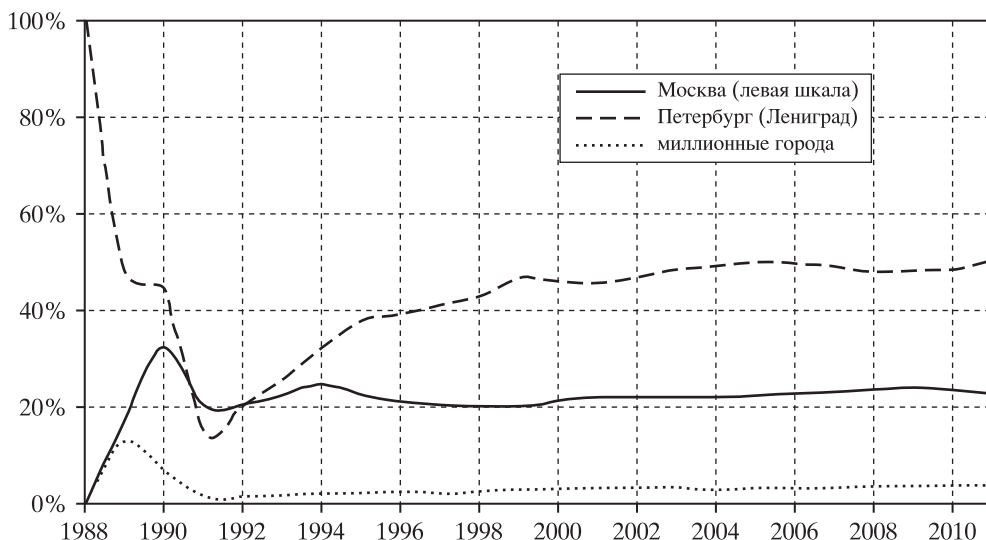

Рис. 2. Доли банков Москвы, Петербурга (Ленинграда) и миллионных городов* в общем количестве российских банков (1988–2011 гг., на начало указанного года).

* К категории миллионных городов в соответствии с официальными данными Росстата здесь отнесены Новосибирск, Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Самара (Куйбышев), Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону и Уфа. К ним добавлены также Пермь и Волгоград, население которых упало ниже миллионной отметки только в 2004 г. (а у Волгограда затем вновь превысило миллион).

Рассчитано по [Банк России; Banki.ru].

количество банков измерялось трехзначными числами (см. рис. 1). В одной только РСФСР насчитывалось порядка 250 кредитных организаций, зарегистрированных в 70 населенных пунктах на пространстве от Калининграда до Петропавловска-Камчатского³. При таких масштабах деятельности появилась возможность для первых статистически значимых наблюдений.

Безусловным и неизменным лидером в этой гонке городов стала Москва, обладающая явными преимуществами административного, экономического и географического рода⁴. Но в любом случае теперь это было именно *лидерство*, а не *абсолютная монополия*, как в прежние времена. Доля московских банков в общем количестве кредитных корпораций России за два года упала с исходных 100% до 40–42% (см. рис. 2). На второе место (правда, при почти восьмикратном отставании от столицы) вполне предсказуемо вышел Ленинград, также обладавший сильной экономикой, но не имевший эксклюзивных московских возможностей в плане близости к основным бюджетным и внешнеторговым потокам. Среди других городов наибольшую активность на заре создания банков проявляли крупные региональные центры, прежде всего Свердловск и Ростов-на-Дону.

Тем временем кредитная отрасль оказалась на пороге следующего знаменательного события. Еще в 1987 г. союзное правительство Н. Рыжкова провело первичную реформу, создав на основе прежних госбанков пять специализированных корпораций (или «спецбанков») – Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк и Внеш-

³ Здесь и далее подобная статистическая информация приводится по результатам расчетов, выполненных на основе официальных данных Банка России (<http://cbr.ru/credit>) и специализированного портала Banki.ru (<http://banki.ru>). Замечу также, что речь идет именно о населенных пунктах, а не только о городах, поскольку практически на всех этапах развития отрасли (особенно со второй половины 1990 г.) значительная часть банков регистрировалась в поселениях, не имеющих городского статуса.

⁴ Подробно эти преимущества рассматривал М. Матовников [Матовников, 2000, с. 141].

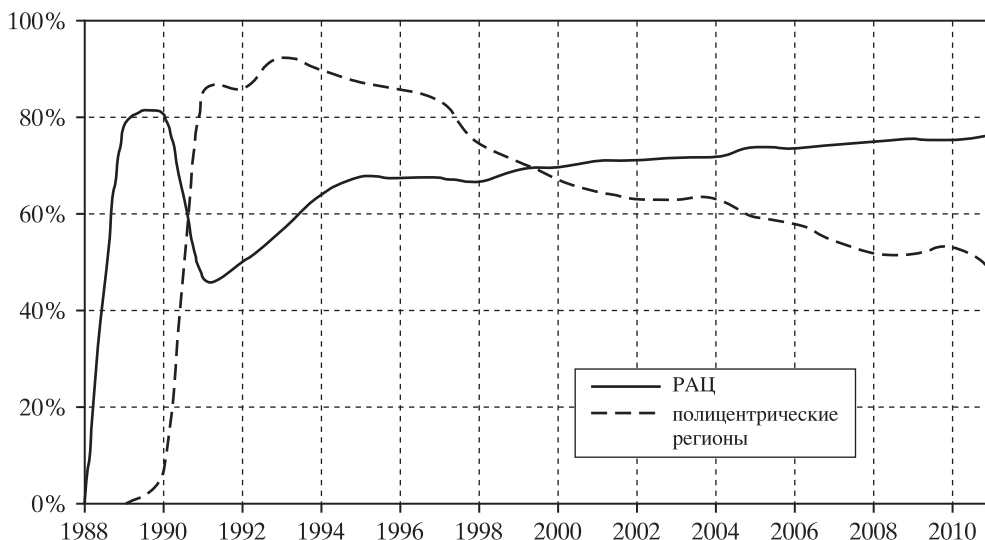

Рис. 3. Доля банков РАЦ в общем количестве региональных банков; доля регионов (субъектов Федерации) с полицентрическими банковскими системами в общем количестве регионов (1988–2011 гг., на начало указанного года)*.

* Рассматриваются 79 субъектов Федерации: все существующие сейчас субъекты, кроме тех, которые не имеют в своем составе административных центров (Москва, Петербург, Московская и Ленинградская области).

Рассчитано по [Банк России; Banki.ru].

экономбанк. Их штаб-квартиры, разумеется, находились в Москве. После этого на протяжении двух лет государственные гиганты конкурировали с банками кооперативного происхождения, имея безусловное превосходство по кредитным ресурсам, но подчас проигрывая в плане гибкости и готовности работать с каждым клиентом. Во второй половине 1990 г., когда еще одним важным фактором стало открытое противостояние между центральными банками РСФСР и СССР, по инициативе российского ЦБ Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк были разделены на множество новых финансовых компаний. На этот раз в основу реформы был положен уже не отраслевой, а территориальный принцип. Местные подразделения названных спецбанков получили возможность по своему усмотрению трансформироваться в самостоятельные банки краевого, областного, городского и даже сельского масштаба (хотя при желании могли остаться и под управлением Москвы). Неудивительно, что в большинстве случаев региональные экономические и политические элиты, тесно связанные с территориальными управлениями спецбанков, решили воспользоваться уникальным шансом.

В результате этой грандиозной кампании в России появились сотни новых банковских корпораций. Теперь наблюдалась уже не просто децентрализация, а крайняя географическая распыленность отрасли. За IV квартал 1990 г. количество населенных пунктов, обладающих собственными банками, взлетело с 70 до 497 (см. рис. 1). Особенно впечатляющей такая атомизация оказалась в очень сложном полиэтничном Дагестане, в ряде сельскохозяйственных регионов (Краснодарский и Ставропольский края, Оренбургская область), а также в имеющей огромную площадь Якутии. На этих территориях своими мини-банками обзавелись десятки горных аулов, степных станиц и северных поселков. В то же время среди лавины 1990 г. встречались и достаточно крупные организации, например челябинский Челиндбанк и пермский Западуралбанк, которые по своим уставным фондам (150 млн руб. у каждого) заметно превосходили многих столичных конкурентов (Челиндбанк (<http://chelindbank.ru/about/history>).

shtml)); Коммерсант-Власть, 1991, № 14). После таких событий доля Москвы по количеству банков, снижавшаяся и прежде, к 1991 г. опустилась до абсолютного минимума (15%). Вопреки ранее наметившейся динамике, заметно сократился вклад Ленинграда и других крупнейших городов (см. рис. 2). Кроме того, аналогичную картину можно было увидеть при сортировке городов не по размеру, а по административному статусу: центры краев, областей, автономных округов и автономных республик (в дальнейшем для краткости именуемые аббревиатурой РАЦ – “региональные административные центры”⁵) в значительной мере утратили стартовое преимущество. Соответственно, очень сильно увеличилась доля полицентрических регионов – тех, где имелось не менее двух населенных пунктов с собственными банками (см. рис. 3)⁶.

Впрочем, подобный перелом трендов оказался хотя и чрезвычайно резким, но непродолжительным. Единовременный эффект, вызванный акцией по территориальному дроблению спецбанков, почти сразу начал угасать. После такого феерического рывка финансовая отрасль взяла небольшую паузу. В 1991 г. процесс создания банков несколько замедлился (см. рис. 1), а в тех случаях, когда они все же появлялись, инициатива опять принадлежала не провинции, а большим и административно значимым городам (см. рис. 2, 3).

В новой экономической и политической обстановке особенно активной была Москва, где кредитное сообщество пополнялось за счет еще одной важной группы – банков, построенных на основе финансовых управлений закрывавшихся союзных министерств и ведомств. В декабре 1991 г., сразу после распада СССР, иерархия ведущих городов выглядела следующим образом: лидировала Москва, имея 263 местных банка; далее шли Петербург и Екатеринбург (по 22 банка)⁷, Ростов-на-Дону (15), Уфа и Тюмень (по 14). Замечу также, что уже к этому моменту бизнес некоторых региональных корпораций достигал внушительных масштабов. Самым ярким примером в этом ряду стал уфимский банк “Восток”, который на исходе советской эпохи оперировал сотнями миллионов рублей и обладал филиальной сетью, раскинувшейся от Днепропетровска и Харькова до Владивостока и Южно-Сахалинска [Кадыров, 1993, с. 274–292]. По оценкам деловой прессы, “Восток” входил в первую десятку крупнейших банков СССР (см. “Коммерсантъ”, 1995, 8 февраля). Теперь самим финансовым корпорациям и их опорным городам предстояло продолжить соревнование в существенно изменившихся условиях.

Второй из рассматриваемых здесь периодов (1992 г.–II квартал 1995 г.) прошел под знаком широкомасштабных рыночных реформ, проводившихся правительствами Е. Гайдара⁸ и В. Черномырдина уже в суверенной России. Большие прорывы (переход к свободному ценообразованию, дальнейшая либерализация экономической деятельности, конвертируемость рубля и т.д.) сочетались с чрезвычайно высокой инфляцией и множеством других тяжелых издержек переходного времени. Вместе с тем довольно успешной в новых условиях оказалась именно банковская отрасль, быстро восполнявшая неудовлетворенный ранее спрос на финансовые услуги (а заодно извлекавшая огромную прибыль как раз из макроэкономической нестабильности, неукротимого роста цен и резких колебаний на валютном рынке). Кроме этого, одним из ключевых достижений рассматриваемого сектора стала интеграция в мировое банковское

⁵ Это очень удобное сокращение (до сих пор, к сожалению, не нашедшее широкого применения в научной литературе) принадлежит Т. Нефедовой и А. Трейвишу [Нефедова, Трейвиш, 2005, с. 286].

⁶ Вопрос о полицентрических, полицентрических, а также бицентрических регионах по состоянию на 2005 г. обстоятельно рассматривался группой специалистов из Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (ИЭП) [Дробышевский... 2007, с. 30–37]. В отличие от исследовательского коллектива из ИЭП, я использую упрощенный вариант градации (бицентрические регионы трактуются как частный случай полицентрических), но анализирую указанные показатели в динамике за 23-летний период.

⁷ Исторические названия Санкт-Петербург и Екатеринбург были восстановлены в сентябре 1991 г.

⁸ Хотя Гайдар и не возглавлял правительство (сначала эту должность совмещал с президентской Б. Ельцин, а затем несколько месяцев Гайдар был лишь исполняющим обязанности председателя правительства), *de facto* именно с его именем связывается руководство экономическими реформами в 1992 г.

пространство, например через подключение к расчетным системам SWIFT и Reuters Dealing, а также благодаря созданию веера корреспондентских связей.

На 1992–1994 гг. пришла очередная волна энтузиазма в сфере создания новых банков. И без того немалое количество кредитных корпораций выросло почти в два раза и приблизилось к отметке 2,5 тыс. По данному показателю Россия за неполные семь лет, прошедшие после старта, превратилась в одну из самых “банковских” стран мира. Следует к тому же заметить, что банки этого поколения (в отличие от большинства их “старших братьев”, появившихся на свет в IV квартале 1990 г. или в начале 1991 г.) исходно были специально созданными коммерческими предприятиями, а не осколками советской финансовой системы.

Последнее обстоятельство помогает лучше понять еще одну приметку времени – наметившееся расхождение двух важнейших трендов, показанных на рисунке 1. Когда численность кредитных корпораций еще продолжала стремительно расти, количество обладавших ими населенных пунктов стабилизировалось вблизи уровня 530, а затем, пройдя свой пик в начале 1993 г., стало уменьшаться. В техническом смысле подобный разворот к отрицательной динамике легко объясняется ликвидацией или переездами отдельных банков. Важно, однако, подчеркнуть, что такие потери чаще всего несли малые города и сельские поселения, получившие собственные банки при разделе госкорпораций в 1990 г.–начале 1991 г., но объективно не имевшие для этого достаточного экономического и кадрового фундамента. Что касается больших городов, то для них утрата одного-двух банков статистически была не очень заметной, к тому же во многих случаях она с избытком компенсировалась открытием новых кредитных структур.

Таким образом, рынок образца 1992–1994 гг. начал корректировать административные решения осени 1990 г. Доли крупнейших городов, особенно Москвы, опять стали расти, и даже некоторое ослабление позиций Петербурга в 1994 г. не могло изменить общую ситуацию (см. рис. 2). Вполне естественно, что при этих обстоятельствах увеличились также показатели РАЦ и сократилось количество полицентрических регионов (см. рис. 3).

При этом во всех странах, включая самые верхние, могли наблюдаться примечательные перестановки. К середине 1995 г. на втором месте, вслед за еще сильнее разогнавшейся Москвой (939 банков), оказалась Махачкала (64 банка). Столица Дагестана переняла у своего окружения ту же распыленность банковского сектора, какой ранее отличался весь горный край. В результате 500-тысячная Махачкала по количеству собственных банков превзошла пятимиллионный Петербург, имевший 60 таких корпораций. Затем располагались неизменно представленные в элите Екатеринбург и Ростов-на-Дону (39 и 33 банка, соответственно). По 29 банков насчитывалось в Новосибирске и Тюмени. Для Новосибирска в сравнении с прежними годами это означало некоторое движение вверх, а для Тюмени – сохранение сильных ранговых позиций. Иными словами, Тюмень была еще одним примером того, как относительно небольшой город может занять высокое место в подобной иерархии – в данном случае, благодаря мощной нефтегазовой экономике своего региона.

Некоторые иные обстоятельства можно увидеть, если учесть также различия в размерах финансовых корпораций (прежде всего, по активам или собственному капиталу). Подобные рейтинги, регулярно появлявшиеся в российской прессе с 1992–1993 гг., еще больше подчеркивали, например, фрагментированность делового мира Махачкалы: никому из огромного скопления местных банков не удавалось пробиться в первую общефедеральную сотню. Зато на высоких ступенях оказался ряд других городов (Тольятти, Челябинск, Кемерово и т.д.), где среди относительно малочисленных банков возникли достаточно крупные финансовые структуры. Еще более значительных результатов добилась Уфа, которая, даже лишившись упомянутого банка

“Восток”⁹, создала новые мощные корпорации и превратилась в третий по величине финансовый узел России¹⁰. Что же касается двух первых мест, то они, конечно, были практически “забронированы” за Москвой и Петербургом, но при огромном – и нараставшем – преимуществе столицы. Если к началу 1993 г. среди 100 ведущих банков страны московскими были 38, то к началу 1994 г. – 49, а еще через год – 66 (включая 19 банков из первой двадцатки) (см. “Коммерсантъ”, 1994, 18 мая; 1995, 25 августа; “Деньги”, 1995, № 22). Таким образом, уже в первой половине 1990-х гг. бурная децентрализация предыдущего периода уступила место противоположному вектору – рецентрализации, то есть частичному восстановлению позиций Москвы. Конечно, данный процесс, в отличие от советской гиперцентрализации рубежа 1920-х–1930-х гг., опирался на рыночный фундамент и не стремился к абсолюту, но все же был выражен вполне определенно.

На следующем этапе Москва и другие успешные города должны были отстаивать свои достижения на фоне изменившейся конъюнктуры, а также при нисходящей динамике обоих базовых трендов, показанных на рисунке 1. Хронологической гранью, отделяющей второй период от *третьего* (III квартал 1995 г.–II квартал 1998 г.), можно считать кризис на рынке межбанковского кредитования, начавшийся в “черный четверг” 24 августа 1995 г. В более широком плане эти события отражали наметившуюся макроэкономическую стабилизацию и замедление инфляционных процессов. Банковское сообщество лишилось прежних источников дохода – игры на резком изменении внутренних цен и валютных курсов. В новых условиях основная часть заработков стала связана с приобретением государственных долговых обязательств или (в идеальном случае) с долгожданным кредитованием производственного сектора.

Далеко не каждой финансовой корпорации удалось найти свое место в изменившейся среде. За период с середины 1995 г. до середины 1998 г. по всей стране число действующих банков сократилось более чем на треть. Таким образом, этот показатель пошел вниз вслед за количеством “банковских поселений”, которое, как уже неоднократно отмечалось, стало уменьшаться еще раньше (см. рис. 1).

При этом существенно изменилось географическое распределение банкротств. Если в начале 1990-х гг. основная часть подобных случаев приходилась на села и малые города, то в середине десятилетия с этим явлением все чаще сталкивались и крупные центры, управляющие субъектами Федерации. За рассматриваемый трехлетний отрезок в ряде очень важных городов количество банковских корпораций сократилось примерно вдвое: в Екатеринбурге с 39 до 21, в Новосибирске с 29 до 15, в Калининграде с 22 до 13, в Волгограде с 22 до 10 и т.д. Имелись и еще более драматические случаи, как, например, в Южно-Сахалинске, где из 13 прежних банков продолжали работу только три, или в Йошкар-Оле, сохранившей из восьми банков лишь один. Обобщающим отражением этих фактов стал прекратившийся рост долевых показателей у “простых” миллионников, а заодно и у Петербурга (см. рис. 2); при переходе на политико-административный критерий можно видеть примерно такую же ситуацию у всех РАЦ (см. рис. 3)¹¹. Десятки банков из республиканских, краевых и областных центров, преодолевшие (в отличие от своих провинциальных соседей) трудности первых шагов и начального профессионального становления, все же сошли с дистанции на данном этапе.

Главным и, пожалуй, единственным триумфатором в этой обстановке оказалась Москва. В пропорциональном отношении потери столицы (25,6% банков) были мень-

⁹ К 1994 г. “Восток” полностью перевел свой бизнес из Уфы в Москву, где еще через два года лишился лицензии.

¹⁰ Оценка на основе исторических данных информационного центра “Рейтинг” и издательского дома “Коммерсантъ” (<http://rating.ru>; <http://kommersant.ru>).

¹¹ Если для точности замеров исключить московские и петербургские корпорации, то получится, что по итогам второго периода (1992 г.–II квартал 1995 г.) на долю РАЦ пришлось 39,9% банкротств, а на долю остальных населенных пунктов – 60,1%. Третий период (III квартал 1995 г.–II квартал 1998 г.) принес противоположные результаты: 66,9% у РАЦ и 33,1% у провинции.

ше, чем в среднем по стране. Соответственно, доля московских структур в общем количестве банков продолжала уверенно расти, постепенно приближаясь к 50% (см. рис. 2). Привлекая в качестве важного дополнения различные рейтинги этого времени, можно заметить, что представительство Москвы среди 100 крупнейших банков, ставшее внушительным еще на предыдущем этапе, теперь достигло новых высот: весной 1998 г. оно составило 74 корпорации (после 66 корпораций в январе 1995 г.) (см. “Деньги”, 1998, № 22). Учтем, наконец, и подъем филиальной экспансии московских гигантов в регионы, пришедшийся на 1995–1997 гг. [Матовников, 2000, с. 136]¹². Иными словами, на исходе первого десятилетия свободной банковской деятельности процесс рецентрализации продолжал неуклонно развиваться по всем его ключевым компонентам. Столица убедительно брала реванш не только у “глубинки”, но также у группы крупнейших городов во главе с Петербургом.

В июле 1998 г., накануне еще одного исторического витка, Москва по количеству банков обладала более чем 15-кратным превосходством над ближайшим преследователем (им стал Петербург, имевший 45 кредитных корпораций против 697 у Москвы). На третье место была вытеснена Махачкала (42 банка), однако ее результат все равно выглядел феноменальным. Сохранили свои высокие позиции Екатеринбург (21) и Ростов-на-Дону (20); следом шли Казань, Уфа и Саратов (по 17 банков). Более тонкие оценки, основанные на величине активов или собственного капитала, позволяют говорить о сохранении и в этот период высокого статуса Уфы (благодаря новому фавориту – Башкредитбанку, пользовавшемуся поддержкой со стороны региональной власти), а также о поочередном появлении у башкирской столицы сопоставимых конкурентов: в 1995–1996 гг. в этом качестве выступала Тверь, а с 1998 г. – Екатеринбург¹³. Но при всей значимости некоторых локальных перестановок (и по численности, и по величине финансовых структур) ключевыми результатами данного периода следует назвать, во-первых, дальнейший взлет Москвы и, во-вторых, существенное сокращение общего количества действующих банков. Замечу также, что последнее обстоятельство совсем не обязательно рассматривать в негативном плане: после интенсивной фильтрации на рынке обычно оставались, независимо от географического расположения, наиболее сильные и перспективные компании.

Четвертый период (III квартал 1998 г.–II квартал 2004 г.) начался с драматических событий 17 августа 1998 г. Дефолт по государственному обязательству, мораторий на основные виды трансграничных платежей и стремительная девальвация рубля воспринимались в тот момент как настоящая катастрофа. Но в итоге многие обстоятельства этого времени, и прежде всего девальвация, пошли на пользу российской экономике, которая с 1999 г. демонстрировала высокие темпы роста – в том числе благодаря улучшению внешнеторговых условий при снизившемся курсе рубля.

В банковской сфере кризис 1998 г. привел к падению ряда ведущих корпораций – прежде всего Инкомбанка, Менатэпа, СБС-Агро и некоторых других московских гигантов. Однако общее число банков и “банковских поселений” сократилось уже не так быстро, как в предыдущие годы (см. рис. 1). Более того, на 2001–2002 гг. пришелся новый (и до сих пор последний) всплеск создания кредитных организаций, хотя и несопоставимый с бумом начала 1990-х гг., но все же завершившийся появлением еще 60 таких компаний.

Что касается пространственных характеристик отрасли, то именно с этого момента открываются новые возможности для их систематического изучения. Начиная с 1998–1999 гг. публикуемые базы данных Центробанка (<http://cbr.ru/credit>) позволяют строго учитывать величину активов (по всему кругу корпораций), а также измерять различные параметры филиальных сетей. На этой основе для всех последующих лет были рассчитаны индивидуальные рейтинговые оценки (*R*) банковской значимости

¹² Следует также отметить, что в ряде случаев приход московских конкурентов вызывал заметное беспокойство среди местного кредитного сообщества. Яркий пример – создание “антимосковского” альянса крупнейших банков Казани (“Коммерсантъ”, 1997, 25 июня).

¹³ Оценки автора на основе периодики издательского дома “Коммерсантъ” (“Деньги”, 1996, № 15; “Коммерсантъ”, 1997, 28 ноября).

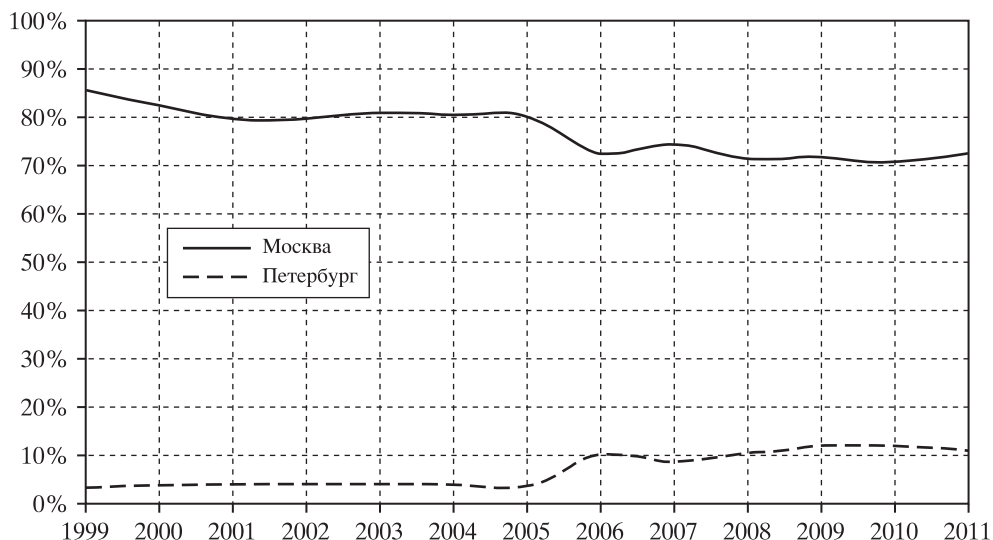

Рис. 4. Доли Москвы и Петербурга в общей сумме индивидуальных банковских рейтингов российских городов (1999–2011 гг., на начало указанного года).

Рассчитано по [Банк России].

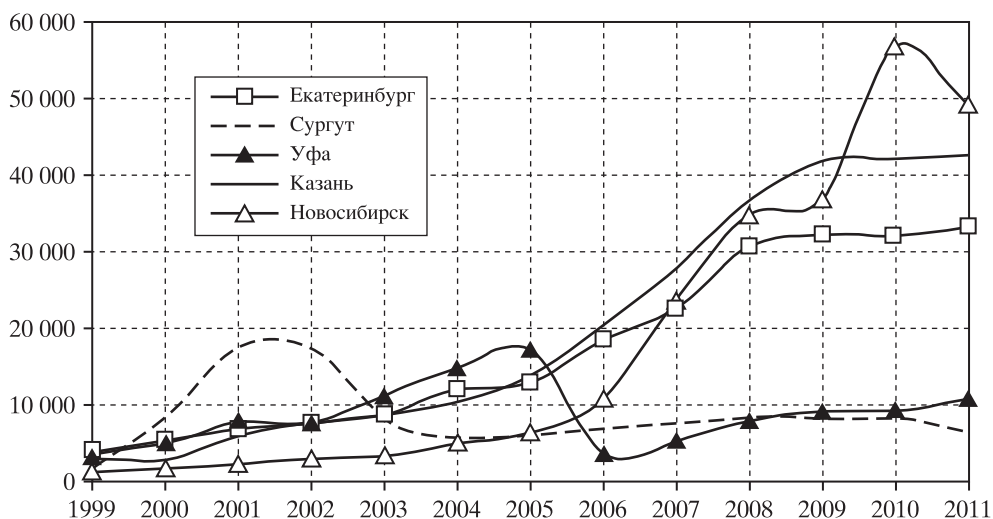

Рис. 5. Рейтинговые баллы крупнейших (после Москвы и Петербурга) банковских центров России (1999–2011 гг., на начало указанного года).

Рассчитано по [Банк России].

200 ведущих городов России. При вычислениях использовалась моя формула:

$$R_i(t) = A_i(t) + kN_i(t),$$

где A_i – суммарные активы местных банков в городе i (в млн руб.; в базовых ценах января 1999 г.), N_i – количество филиалов иногородних банков в городе i , k – специальный “коэффициент уравнивания”, который эмпирически вычисляется на основе пропорции между общей величиной активов и количеством филиалов в момент времени t .

Основные результаты этих вычислений представлены на рисунках 4 и 5 – сначала для Москвы и Петербурга, а затем для группы региональных центров, каждый из ко-

торых в тот или иной момент поднимался на третье место во всероссийском рейтинге. Какую же новую информацию дают эти замеры и как она соотносится с уже привычными данными по общему количеству банков?

Конечно, наиболее важные наблюдения вновь касаются столицы. Кризис 1998 г. вызвал значительные изменения в банковском ландшафте Москвы. Серия громких банкротств заметно отразилась на суммарном объеме активов (даже при компенсирующей роли частичного перевода средств из проблемных структур в созданные их же владельцами банки-дублеры). К тому же в одном случае подобный “запасной аэродром” был иногородним: для московского Менатеп подстраховку обеспечивал банк Менатеп Санкт-Петербурга. Москва, оказавшаяся в эпицентре обвала знаменитых ГКО, утратила прежнюю динамику. В 1999–2000 гг. ее рейтинг продолжал расти, но медленнее, чем у многих других городов. В результате немного снизилась доля столицы в общей сумме индивидуальных рейтинговых баллов (см. рис. 4). Аналогичным образом изменился и вклад Москвы в простое количество банков (см. рис. 2): пройдя весной 1999 г. точку локального максимума (47,1%), данный показатель затем сократился на 1,5 процентных пункта.

Это отступление, несомненно, можно считать вполне умеренным. Более того, на фоне нового оживления отрасли в 2001–2003 гг. Москва начала восстанавливать прежние позиции (см. рис. 2, 4). Однако в любом случае “великий дефолт” и его последствия привели, как минимум, к приостановке процесса рецентрализации, столь убедительно развернувшегося на предыдущих этапах.

Тем временем в начале нового десятилетия довольно успешными оказались и некоторые другие города, в основном из числа “миллионеров” и иных РАЦ. На рисунке 3 хорошо видно четкое расхождение трендов: после определенной паузы “столицы” субъектов Федерации вновь стали укреплять свои позиции, окончательно вытесняя села и малые города, а заодно сокращая долю полицентрических регионов. Хотя количество банкротств в РАЦ было довольно велико, города этого класса получали существенную компенсацию за счет банков с “подведомственных” территорий. Особенно решительным консолидатором деловой активности своего региона оказался Екатеринбург, перетянувший банки из четырех небольших городов Свердловской области. Похожие случаи наблюдались также в Калининграде, Ростове-на-Дону, Новосибирске и других РАЦ.

Таким образом, даже при возобновившемся с 2001 г. сосредоточении банковского бизнеса в Москве можно было говорить не столько о *рецентрализации*, сколько о наметившейся *полицентрализации* отрасли. Наряду с федеральной столицей целый ряд крупных городов подтвердил способность успешно развивать кредитно-финансовое дело в больших (хотя и несопоставимых с Москвой) масштабах, а также умение адаптироваться к различным поворотам рыночной конъюнктуры.

В результате к середине 2004 г. (или по итогам четвертого периода) позиции лидеров – по количеству кредитных корпораций – выглядели следующим образом: после Москвы (635 банков) шел окончательно отстоявший свое второе место Петербург (42), затем следовали Махачкала (27), Екатеринбург (23), Казань (21), Ростов-на-Дону (17), Саратов (13) и т.д.

Более точные расчеты, проведенные с помощью указанной формулы, позволяют увидеть, что третье место в рейтинге принадлежало, конечно, не Махачкале (см. рис. 5). В 1998–1999 гг. на эту ступень, сместив Уфу, поднялся Екатеринбург. В данном случае внушительное количество банков действительно означало большую величину их активов. Затем, в 2000–2002 гг. этот огромный и многопрофильный центр неожиданно был вытеснен 300-тысячным Сургутом. Его взлет выглядел необычным во многих отношениях: и по скорости подъема, и по отрыву от ближайших преследователей, и наконец, в том плане, что здесь наблюдался единственный пример преобладания провинциального города над всеми РАЦ. Впрочем, этот западносибирский феномен почти полностью зависел от успехов одной суперкорпорации – Сургутнефтегазбанка. Когда же местный финансовый флагман растерял часть прежних активов,

Сургут начал скользить вниз почти так же быстро, как до того поднимался к вершинам. В 2003–2004 гг. на привычное для себя третье место вернулась Уфа. Как и в 1990-е гг., успех башкирской столицы во многом определялся очень крупным банком, близким к республиканскому правительству. Только теперь он был переименован из Башкредитбанка в “УралСиб”, что подчеркивало его выход на широкую межрегиональную арену. Последующие места в рейтинге 2004 г. заняли Екатеринбург и Казань, имевшие вполне сопоставимые с Уфой результаты. Безусловно, каждый из этих городов, не говоря уже о Петербурге, мог на следующем этапе внести большой вклад в усиление едва намечившегося полицентризма.

Гранью между четвертым и пятым периодом (III квартал 2004 г.–II квартал 2008 г.) можно считать новый кредитный кризис, развернувшийся в июне–июле 2004 г. Он имел довольно значительные последствия (например, смену собственника и бренда у московского Гута-банка), но все же проходил на фоне роста экономики и не был столь же глубоким, как кризис 1998 г. Следует также подчеркнуть, что локальные потрясения 2004 г. тесно связаны с долгожданым запуском системы страхования вкладов, которая, в свою очередь, способствовала дальнейшему расслоению и фильтрации в банковском мире. Общее количество кредитных учреждений и мест их регистрации все время сокращалось, хотя, конечно, не с такой скоростью, как во второй половине 1990-х гг. (см. рис. 1).

Географическая структура отрасли претерпела на этом этапе дальнейшие изменения, которые фиксируются (хотя и в разной степени) с помощью обоих использованных здесь инструментов. Обратившись сначала к данным о количестве банков, можно заметить очередные колебания долевого тренда Москвы (см. рис. 2). Поднявшись в начале 2005 г. до нового локального максимума (50,04%), относительный показатель столицы опять начал снижаться. Кризис на рынке межбанковского кредитования, а также появление новых правил игры из-за практики страхования вкладов обернулись для Москвы более значительными сокращениями “списочного состава” банков, чем это было в среднем по России. Конечно, снижение рассматриваемой характеристики с 50% до 48% может показаться непринципиальным, но в любом случае подобное изменение резко отличалось от выраженной рецентрализованной динамики середины и второй половины 1990-х гг.

Эти первичные наблюдения подтверждаются и усиливаются при обращении к рейтинговым замерам. 7 октября 2005 г. произошло событие, мало повлиявшее на распределение количества банков, но очень важное в плане соотношения сил по величине их активов: в этот день гигантский Внешторгбанк – один из ключевых элементов национальной финансовой системы – сменил в качестве места регистрации Москву на Петербург. Если прибавить к этому заметные успехи других банков Северной столицы, то станет понятной корректировка рейтинговых позиций двух крупнейших городов страны во второй половине прошлого десятилетия (см. рис. 4). Доля Москвы, хотя и оставалась огромной, заметно снизилась, а доля Петербурга еще более существенным образом возросла.

Важные события произошли и в борьбе за третье место (см. рис. 5). Уфа, столь заметная в 1990-е гг. и середине 2000-х гг., теперь покинула ряды российской финансовой элиты. Основной причиной этого стал переезд банка “УралСиб” в Москву¹⁴. Таким образом, уфимский случай (вслед за сургутским) вновь подчеркнул потенциальную неустойчивость любого финансового центра, успех которого чрезмерно зависит от достижений одной гигантской корпорации. С 2006 г. в роли третьей банковской столицы утвердилась Казань – также благодаря прорыву флагманской корпорации (банка “Ак барс”), поддержанному, впрочем, и финансовыми структурами среднего масштаба. Демонстрируя иную конфигурацию местного рынка, сохранял неизменно высокие позиции Екатеринбург¹⁵. Хотя после 1999 г. этот уральский центр не смог больше

¹⁴ Официальная дата – 20 сентября 2005 г.; фактически этот банк еще раньше перешел под контроль московских финансовых структур.

¹⁵ В одной из предыдущих моих публикаций применительно к середине 2000-х гг. были сопоставлены казанская и екатеринбургская модели развития банковского сектора. Разница между ними заключалась не

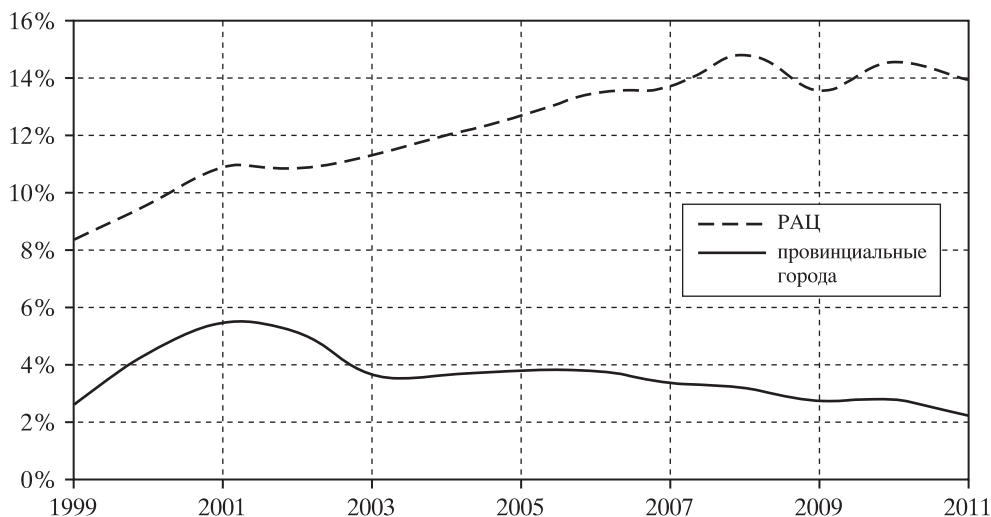

Рис. 6. Доли региональных административных центров (РАЦ) и провинциальных городов в общей сумме индивидуальных банковских рейтингов (1999–2011 гг., на начало указанного года).

Рассчитано по [Банк России].

вернуться на третье место, диверсифицированная структура банковской отрасли позволила ему избежать резких провалов и ни разу не дала опуститься ниже четвертой – пятой строк в рейтинговой таблице. Отмечу также наметившиеся на данном этапе взлеты Новосибирска¹⁶, Самары¹⁷ и некоторых других городов из первой двадцатки.

При всем значении этих и других локальных перестановок, оставался неизменным еще один принципиально важный тренд, обозначившийся с 1998–1999 гг. На протяжении уже целого десятилетия долевые показатели крупнейших городов и административных центров (по количеству банков) неуклонно росли; столь же определенно РАЦ продолжали наращивать преимущество на управляемых ими территориях (см. рис. 2, 3). Это же обстоятельство (с поправкой на быстро исчезнувший “сургутский фактор” начала 2000-х гг.) подтверждают и уточняющие рейтинговые замеры (см. рис. 6). Иными словами, почти каждая из “малых столиц”, концентрируя региональные капиталы и замыкая на себе местные финансовые потоки, выступала по отношению к своему субъекту Федерации в качестве “мини-Москвы”. В то время, когда в банковской сфере оставалось все меньше полицентрических регионов, все более полицентрической становилась сама страна.

Между тем новый кризис мировой экономики, основные удары которого обрушились на российский банковский сектор осенью 2008 г., определил переход к тому, что в дальнейшем можно будет рассматривать как завершенный и имеющий определенные хронологические рамки *шестой период*. Пока же мы знаем лишь его начальную грань, и это – из-за риска принять небольшие перепады за устойчивый тренд – заставляет с большой осторожностью говорить о новейших изменениях в финансовой географии страны. В этой связи по отношению к событиям второй половины 2008–начала 2011 г.

только в степени доминирования ведущих местных компаний, но и в относительной закрытости казанского рынка для иногородних игроков, что резко контрастировало с открытостью екатеринбургского рынка [Никитин, 2008].

¹⁶ В этом случае ключевым событием стало произошедшее в декабре 2006 г. присоединение екатеринбургского Уралвнешторгбанка к новосибирскому Сибкадембанку (и переименование последнего в Урса-банк).

¹⁷ В июле 2005 г. местный Промэк-банк (нынешний Русфинанс) был приобретен транснациональной группой Societe Generale, которая превратила Самару в одну из своих опорных площадок в России. Кроме того, в городе располагается несколько других крупных банков.

возможны лишь предварительные оценки, скорректированные на то, что уже известно о предшествующем развитии банковской отрасли.

Данная оговорка в первую очередь относится к Москве, показатели которой, казалось бы, снова пошли в гору: доля столицы в общей сумме рейтинговых баллов вернулась к уровню 2007 г. (см. рис. 4), а доля по количеству банковских корпораций (50,31%) оказалась даже самой высокой за всю постсоветскую историю (см. рис. 2). Однако общий вид 23-летней траектории Москвы на том же графике позволяет предполагать, что сейчас мы имеем дело лишь с плавными колебаниями, а не с повторением бурной децентрализации 1992–1998 гг.

Что же касается других исследованных процессов, то они и вовсе не претерпели каких-либо заметных изменений. Как до наступления кризиса 2008 г., так и после наблюдалось сокращение количества банков и населенных пунктов, обладающих ими (см. рис. 1); продолжалось снижение доли полицентрических регионов и усиление позиций малых административных “столиц” (см. рис. 3, 6). Словом, и на фоне тяжелого мирового кризиса эти тенденции развивались в привычном русле, что свидетельствует об их устойчивом и фундаментальном характере.

Итак, какова же после всех рассмотренных событий картина российской финансовой иерархии в заключительной контрольной точке (то есть в начале 2011 г.)? Подсчитав, как это уже делалось в предыдущих случаях, сначала простое количество банков, мы увидим, что в Москве к данному моменту их осталось 480 против 38 у Петербурга. Таким образом, федеральная столица обладала колоссальным 13-кратным превосходством, но это все же немного отличается от 15-кратного превосходства, характерного для прошлых лет. Третье место с 22 банками занимала постепенно скользящая вниз Махачкала. К ней приблизилась Казань (20 банков); на следующих ступенях оказались Екатеринбург и Ростов-на-Дону (по 14 банков), неизменно находящиеся в группе лидеров практически с самого момента рыночного преобразования отрасли в конце 1980-х гг. Более точную и детальную картину позволяет увидеть расстановка городов по рейтинговому баллам. В таблице 2 приведены результаты для 20 ведущих центров по состоянию на 1 января 2011 г.

Как видим, итоговые замеры вновь подчеркивают абсолютное превосходство Москвы, которая по своему кредитно-финансовому весу и в 2011 г. далеко превосходила все остальные города России вместе взятые. Однако нельзя не обратить внимания и на тот факт, что за отраженный в таблице двенадцатилетний период столица продвинулась намного меньше, чем большинство других крупных центров. Наиболее значительный вклад в перелом прежней тенденции и создание элементов полицентризма был внесен, конечно, Петербургом, безоговорочно удерживающим второе место. Показательно, что упомянутые зарубежные группы (GaWC, Z/Yen и MasterCard Worldwide) в последнее время все более уверенно рассматривают не только Москву, но и Петербург в качестве города со значительным влиянием в мировых финансах.

Третье место пока еще не обрело (и вряд ли обретет в близкой перспективе) такого же постоянного “хозяина”. Сейчас оно принадлежит Новосибирску, который добавил самый высокий гребень к серии “набегающих волн” на рисунке 5. Произошло это после того, как в августе 2009 г. местный Урса-банк объединился с московским МДМ-Банком, а новая структура, сохранившая название МДМ и вошедшая в число самых крупных банков России, была зарегистрирована в Новосибирске. Технические показатели этого города теперь выглядят очень убедительно, но все же стоит помнить, что чрезмерная зависимость от одной гигантской корпорации создает (как показали в свое время примеры Сургута и Уфы) потенциальную угрозу обвального падения рейтингов.

Зато довольно устойчивыми выглядят позиции Казани и Екатеринбурга, находящихся на следующих этажах таблицы. Два огромных города с существенно различающимися внутренними моделями финансового рынка имеют в историческом плане почти равные достижения, что подчеркивается высокими и очень близкими показателями (4,2 и 4,5, соответственно) в графе “средний ранг за период 1999–2011 гг.”. Добавив к

Рейтинговые баллы ведущих банковских центров России
(1 января 2011 г.; сравнение с 1 января 1999 г.)

Ранг (2011 г.)	Город	Балл (2011 г.)	1999 г.		Изменение за 1999– 2011 гг.		Средний ранг за 1999– 2011 гг.
			ранг	балл	ранга	балла (%)	
1	Москва	2 644 273	1	464 174	0	470	1
2	Петербург	409 168	2	17 463	0	2243	2
3	Новосибирск	49 292	16	1060	13	4550	7,7
4	Казань	42 379	5	3016	1	1305	4,2
5	Екатеринбург	33 168	3	3968	-2	736	4,5
6	Самара	27 160	10	1480	4	1736	7,2
7	Ростов-на-Дону	18 029	14	1197	7	1406	9,6
8	Ханты-Мансийск	16 515	36	431	28	3732	12,2
9	Нижний Новгород	15 843	7	2229	-2	611	9,7
10	Краснодар	15 412	18	874	8	1664	12,2
11	Тюмень	14 733	6	2296	-5	542	11,8
12	Благовещенск	14 659	53	281	41	5113	54,2
13	Челябинск	13 785	11	1392	-2	891	10,8
14	Уфа	10 739	4	3452	-10	211	11,3
15	Владивосток	10 728	13	1293	-2	730	18,7
16	Саратов	10 624	23	680	7	1457	18,5
17	Калининград	10 616	24	653	7	1525	22,7
18	Пермь	9822	19	828	1	1087	17,5
19	Тольятти	8872	8	1857	-11	378	14,3
20	Хабаровск	7867	22	696	2	1031	21,2
...							
	всего по 200 городам	3 644 244		541 231		573	

Расчитано по [Банк России].

рассмотренным городам Самару, можно получить полный состав “большой четверки” ведущих региональных центров образца 2011 г.

Далее следует отметить еще, как минимум, пять городов (Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Краснодар, Тюмень и Челябинск), каждый из которых по своему банковскому и общеэкономическому потенциалу имеет неплохие шансы не только для сохранения достигнутого, но и для дальнейшего продвижения на высокие ступени среди национальной финансовой элиты. Наконец, стоит обратить внимание на недавние прорывы еще двух городов – небольших по населению, но имеющих свои географические (Благовещенск) или же отраслевые и административные (Ханты-Мансийск) преимущества. За счет любого из 11 перечисленных центров (хотя, конечно, с сильно различающейся вероятностью) может расшириться будущее представительство России в исследованиях о транснациональных перекрестках деловой активности.

* * *

Рассмотрев несколько исторических вех и большой массив эмпирических данных, попробую остановиться на нынешнем рубеже и еще раз взглянуть на огромный путь, пройденный банковским сообществом России за сравнительно короткое время. В не очень далеком по историческим меркам 1987 г. кредитная система СССР все еще сохраняла основные черты, предопределенные мобилизационным и крайне централизованным характером Советского государства. Не существовал легальный обмен валюты, в поисках оптимальных условий вклада граждане не могли выбирать подходящие банки, а у предприятий отсутствовали аналогичные возможности при обращении за

кредитными ресурсами. В целом же без института коммерческих банков страна была лишена гибкого механизма межотраслевого перераспределения средств, отработанного веками мировой практики. Эта картина радикальным образом изменилась в результате рыночных прорывов горбачевского и ельцинского времени. При всех издержках, присущих ранним этапам эволюции (чрезмерная вовлеченность в игру на фондовом рынке, прямое участие в схемах по “минимизации” налогов или “отмыванию” денег), воссозданная отрасль в итоге доказала свою состоятельность, работоспособность и готовность к дальнейшему прогрессу.

Фундаментально изменилась и пространственная организация банковской системы. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел решительный поворот в сторону децентрализации. Москва, бесспорно оставаясь ведущим финансовым узлом страны, все же утратила прежнее положение абсолютного монополиста. В период максимальной географической дисперсии (1991 г.–начало 1993 г.) собственными банками обладали свыше полутысячи больших и малых населенных пунктов. Правда, подобное распыление во многом носило искусственный и, парадоксальным образом, административный характер.

Под воздействием рыночных факторов в середине и второй половине 1990-х гг. развернулись противоположные (рецентрализационные) процессы, и Москва резко увеличила отрыв от остальной России. Однако и это изменение тренда не было окончательным. В 2000-х гг. при неоспоримом лидерстве столицы больших успехов в банковской сфере добились и иные города – причем не только Петербург, но также Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Самара и ряд других крупных центров. Сегодня каждый из них притягивает значительную часть финансовых потоков не только в своем регионе, но и на соседних территориях.

Сводя 23-летнюю эволюцию банковской географии России к максимально простой схеме, можно предложить следующую формулировку: от *абсолютной монополии* одного центра был пройден путь к *избыточной децентрализации*, затем – к *рецентрализации*, и наконец, к элементам *полицентризма* (или, следуя стилю Абу-Луход, к “архипелагу городов”). Для экономики, ушедшей от мобилизационной модели советского времени, именно последний – полицентрический – вариант представляется оптимальным с точки зрения эффективности и устойчивости в условиях мировых финансовых потрясений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Банк России (<http://cbr.ru/credit>).
- Дробышевский С., Трунин П., Трошкин Д., Четвериков С., Ледерман Л. Региональные банковские системы и инвестиционные процессы. М., 2007 (<http://iet.ru>).
- Кадыров Р.Ф. Банк “Восток”, 1988–1992 гг. Уфа, 1993.
- Кротов Н. Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995). М., 2001.
- Матовников М.Ю. Функционирование банковской системы в условиях макроэкономической нестабильности. М., 2000 (<http://iet.ru>).
- Нефедова Т., Трейвиш А. Города – лидеры современных регионов: формальные и неформальные // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005.
- Никитин Л.В. Миллионные города на банковской карте России: масштабы бизнеса, география влияния и сетевые связи // Вопросы экономики. 2008. № 9.
- Рейтинг. Информационный центр (<http://rating.ru>).
- Abu-Lughod J. Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350. New York, 1991.
- Braudel F. Le temps du monde. Paris, 1979.
- Cassis Y. Capitals of Capital. New York, 2007.
- GaWC (Globalization and World Cities) (<http://lboro.ac.uk/gawc>).
- Kindleberger C. The Formation of Financial Centers // Princeton Studies in International Finance. 1974. Vol. 36.
- MasterCard Worldwide (<http://mastercard.com/us/company/en/insights/studies>).
- Z/Yen (<http://zyen.com>).